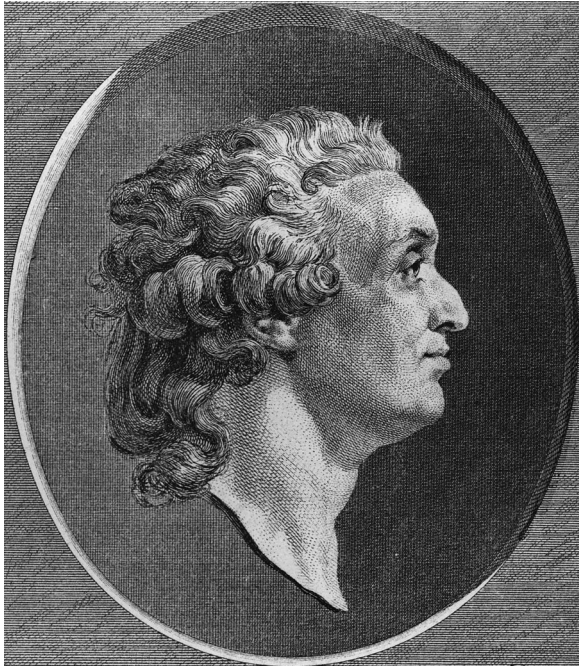

Серия
«Антология мысли»

1743—1794

М. де Кондорсе

**ЭСКИЗ
ИСТОРИЧЕСКОЙ
КАРТИНЫ ПРОГРЕССА
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
РАЗУМА**

Переводчик — **И. А. Шапиро**

Книга доступна в электронной библиотеке biblio-online.ru,
а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»

Москва ■ Юрайт ■ 2019

УДК 159.9.01
ББК 87.3
К64

Автор:

Мари-Жан-Антуан-Николя де Кондорсе (1743—1794) — французский философ, математик, политический деятель.

Переводчик:

Шапиро И. А.

Мари-Жан-Антуан, маркиз де

К64 Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / маркиз де Мари-Жан-Антуан ; пер. И. А. Шапиро. — Москва : Издательство Юрайт, 2019. — 193 с. — (Серия : Антология мысли).

ISBN 978-5-534-09700-9

Вниманию читателей предлагается книга известного французского философа и социолога М. де Кондорсе, в которой он делает попытку установить закономерности развития истории, ее основные этапы, движущие силы исторического процесса, рассматривая десять эпох в истории человечества. Цель автора — путем рассуждения и с помощью фактов показать, что в развитии человеческих способностей не существует предела, что способность человека к совершенствованию по сути безгранична. Наблюдения над тем, чем человек был и чем он стал, помогут, по мнению Кондорсе, найти средства обеспечить и ускорить новые успехи, на которые ему позволяет надеяться природа.

Печатается по изданию 1936 г.

Книга будет полезна историкам, социологам, философам, психологам и всем заинтересованным читателям.

УДК 159.9.01
ББК 87.3

Разыскиваем правообладателей и наследников Шапиро И. А.:
<https://www.biblio-online.ru/inform@Пожалуйста, обратитесь в Отдел договорной работы:>
+7 (495) 744-00-12; e-mail: expert@urait.ru

Оглавление

Уведомление	6
Введение.....	8
Первая эпоха. Люди соединены в племена.....	17
Вторая эпоха. Пастушеские народы. Переход от пастушеского состояния к земледелию	21
Третья эпоха. Прогресс земледельческих народов до изобретения письменности	27
Четвертая эпоха. Прогресс человеческого разума в Греции до времени разделения наук в век Александра.....	42
Пятая эпоха. Прогресс наук от их разделения до их упадка	54
Шестая эпоха. Упадок просвещения до его возрождения ко времени крестовых походов	74
Седьмая эпоха. От первых успехов наук в период их возрождения на западе до изобретения книгопечатания.....	84
Восьмая эпоха. От изобретения книгопечатания до периода, когда науки и философия сбросили иго авторитета.....	93
Девятая эпоха. От Декарта до образования французской республики.....	114
Десятая эпоха. О будущем прогрессе человеческого разума	156
Новые издания по дисциплине «Философия» и смежным дисциплинам	183

Уведомление

Будучи в изгнании, Кондорсе предполагал обратиться к согражданам с изложением своих принципов и своего поведения как общественного деятеля. Он набросал несколько строк, но, вспомнив тридцать лет полезной работы и множество статей, в которых он в период революции атаковал беспрестанно все установления, противоречащие свободе, отказался от бесплодного оправдания.

Чуждый всяким страстям, он совсем не хотел пятнать свою мысль воспоминаниями о своих преследователях; и в величественном и продолжительном одиночестве он короткий промежуток времени, отделявший его от смерти, посвятил работе общей значимости и способной выдержать испытание времени.

Именно эта работа сейчас представляется читателю. Он в ней упоминает о большом числе других работ, в которых долгое время оспаривались и утверждались права людей. В настоящей работе суеверие получило решительные удары, методы математических наук, примененные к новым объектам, открыли новые перспективы политическим и моральным наукам; испытанные принципы социального счастья получили развитие и выражение в доселе неизвестной форме. Наконец, в ней всюду встречаются черты той глубокой моральности, которая изгоняет слабости самолюбия, черты неизменных добродетелей, перед которыми нельзя не испытывать благоговейного глубокого уважения.

Пусть этот оплакиваемый пример самого редкостного таланта, пострадавшего за родину, за дело свободы, за прогресс знаний, за плодотворное использование их в интересах цивилизованного человека, возбудит полезную скорбь в государстве.

Пусть эта смерть, которая ни в какой степени не может служить в истории для характеристики эпохи, внушит непоколебимую преданность правам, нарушением которых она явилась.

Это будет единственной данью уважения, достойной мудрого, который под мечом смерти мирно размышлял об улучшении себе подобных. Это будет единственным утешением для тех, кто имеет своим объектом его привязанности и кто признает всю его доблесть.

От издателя Гара и Кабанис

Введение

Человек рождается со способностью получать ощущения, замечать и различать в своих восприятиях составляющие их простейшие ощущения, удерживать, распознавать, комбинировать, сохранять или воспроизводить их в своей памяти, сравнивать между собой эти сочетания, схватывать то, что есть между ними общего, и то, что их различает, определять признаки всех этих объектов, чтобы легче их понять и облегчить себе процесс новых сочетаний.

Эта способность развивается в нем под воздействием внешних вещей, т. е. благодаря наличию известных сложных ощущений, постоянство которых, выражающееся в тождестве их соединений или в законах их изменений, не зависит от него. Он упражняет также эту способность посредством общения с себе подобными индивидами, наконец, при помощи искусственных средств, которые люди, вслед за первым развитием этой самой способности, начали изобретать.

Ощущения сопровождаются удовольствием или страданием. Человеку также свойственна способность преобразовывать эти мгновенные впечатления в длительные переживания, приятные или мучительные, испытывать эти чувства, видя или вспоминая радости или страдания других существ, наделенных чувствительностью. Наконец, эта способность, соединенная со способностью образовывать и сочетать идеи, порождает между людьми отношения интереса и долга, с которыми по воле самой природы связаны самая драгоценная доля нашего счастья и самая скорбная часть наших бедствий.

Если ограничиваться наблюдением, познанием общих фактов и неизменных законов развития этих способностей, того общего, что имеется у различных представителей человеческого рода, то налицо будет наука, называемая метафизикой.

Но если рассматривать то же самое развитие с точки зрения результатов относительно массы индивидов, сосуществующих одновременно на данном пространстве, и если проследить его

из поколения в поколение, то тогда оно нам представится как картина прогресса человеческого разума.

Этот прогресс подчинен тем же общим законам, которые наблюдаются в развитии наших индивидуальных способностей, ибо он является результатом этого развития, наблюдаемого одновременно у большого числа индивидов, соединенных в общество. Но результат, обнаруживаемый в каждый момент, зависит от результатов, достигнутых в предшествовавшие моменты, и влияет на те, которые должны быть достигнуты в будущем.

Эта картина таким образом является исторической, ибо, подверженная непрерывным изменениям, она создается путем последовательного наблюдения человеческих обществ в различные эпохи, которые они проходят.

Она должна представить порядок изменений, выявить влияние, которое оказывает каждый момент на последующий, и показать, таким образом, в видоизменениях человеческого рода, в непрерывном его обновлении в бесконечности веков путь, по которому он следовал, шаги, которые он сделал, стремясь к истине или счастью. Эти наблюдения над тем, чем человек был, над тем, чем он стал в настоящее время, помогут нам затем найти средства обеспечить и ускорить новые успехи, на которые его природа позволяет ему еще надеяться.

Такова цель предпринятой мной работы, результат которой должен заключаться в том, чтобы показать путем рассуждения и фактами, что не было намечено никакого предела в развитии человеческих способностей, что способность человека к совершенствованию действительно безгранична, что успехи в этом совершенствовании отныне независимы от какой бы то ни было силы, желающей его остановить, имеют своей границей только длительность существования нашей планеты, в которую мы включены природой. Без сомнения, прогресс может быть более или менее быстрым, но никогда развитие не пойдет вспять; по крайней мере, до тех пор, пока земля будет занимать то же самое место в мировой системе и пока общие законы этой системы не вызовут на земном шаре ни общего потрясения, ни изменений, которые не позволили бы более человеческому роду на нем сохраняться, развернуть свои способности и находить такие же источники существования.

Человеческий род на первой стадии цивилизации представлял собой общество с небольшим числом людей, существовав-

ших охотой и рыболовством, обладавших примитивным искусством изготовлять оружие и домашнюю утварь, строить или копать себе жилища, но уже владевших языком для выражения своих потребностей и небольшим числом моральных идей, лежавших в основе общих правил их поведения; живя семьями, они руководствовались общепринятыми обычаями, заменявшими им законы, и имели даже несложную форму правления.

Понятно, что неуверенность и трудность борьбы за существование, вынужденное чередование крайнего утомления и абсолютного отдыха не позволяли человеку располагать тем досугом, при котором, работая мыслью, он мог бы обогащать свой ум новыми сочетаниями идей. Способы удовлетворения потребностей настолько зависели от случая и времени года, что не были в состоянии породить с пользой промышленность, развитие которой могло бы продолжаться; и каждый ограничивался усовершенствованием своей ловкости или личного искусства.

Таким образом, прогресс человеческого рода должен был быть тогда очень медленным; лишь изредка, благоприятствуемое необычайными обстоятельствами, человечество могло иметь поступательное движение. Между тем, средства существования, получаемые от охоты, рыболовства, плодов непосредственно от земли, заменяются пищей, доставляемой животными, которых человек приручил, умеет сохранять и размножать. К скотоводству, далее, присоединяется примитивное земледелие: человек не удовлетворяется более плодами или растениями, которые он находит, он научается из них создавать запасы, собирать их вокруг себя, сеять или разводить и содействовать их воспроизведению при помощи обработки земли.

Собственность, которая первоначально ограничивается собственностью на убитых животных, оружие, сети, домашнюю утварь, распространяется сначала на стада, а затем на землю, которую человек распахал и обрабатывает. Со смертью главы эта собственность, естественно, переходит к семье. Некоторые владеют излишками, поддающимися сохранению. Если излишки значительны, они порождают новые потребности, если они выражаются в одном предмете, в то время как испытывается недостаток в другом, тогда в силу необходимости появляется идея обмена; с этого момента моральные отношения усложняются и умножаются. Большая безопасность, более обеспеченный и постоянный досуг позволяют человеку предаваться

размышлению или, по крайней мере, связному наблюдению. У некоторых входит в привычку обменивать часть своего излишка на труд, благодаря чему они сами освобождаются от труда. Таким образом создается класс людей, время которых не целиком поглощено физическим трудом и желания которых распространяются за пределы их примитивных потребностей. Промышленность пробуждается; ремесла, уже известные, распространяются и совершенствуются; случайные факты, которые наблюдает человек, уже более опытный и более внимательный, способствуют проявлению новых ремесл; население растет, по мере того как добывание средств существования становится менее опасным и менее зависящим от случая; земледелие, которое в состоянии прокормить большое число индивидов на одной и той же территории, замещает все другие источники существования; оно благоприятствует дальнейшему размножению людей, а это последнее в свою очередь ускоряет прогресс; приобретенные идеи сообщаются быстрее и вернее упрочиваются в обществе, ставшем более оседлым, более сближенным, более интимным. Заря просвещения начинает уже заниматься; человек обнаруживает свои отличия от других животных и не ограничивается, как они, исключительно индивидуальным совершенствованием.

Более развитые, более частые, более усложнившиеся отношения, которые тогда устанавливаются между людьми, вызывают потребность в средствах сообщения своих идей отсутствующим лицам, упрочения памяти о том или ином факте с большей точностью, чем позволяет устная передача, закрепления условий соглашения более верным путем, чем память свидетелей, закрепление тех признанных обычаев, которыми члены данного общества руководствуются в своем поведении.

Таким образом появилась потребность в письменности, и последняя была изобретена. Первоначально она, повидимому, носила характер настоящей живописи, уступившей место условной живописи, которая изображала только характерные черты предметов. Впоследствии, по образцу метафоры, аналогичной той, которая уже практиковалась в разговорном языке, изображение физического предмета выражало отвлеченные идеи. Происхождение этих знаков, как и слов, должно было с течением времени забыться. Письменность становится искусством символизировать условными знаками каждую идею, каждое слово и в силу этого каждое изменение идей и слов.

Тогда письменный и разговорный язык становятся достоянием человечества. Необходимо было изучить и установить между ними взаимную связь.

Гениальные люди, вечные благодетели человечества, имена которых и даже отечество никогда не будут преданы забвению, заметили, что все слова какого-либо языка были только сочетаниями чрезвычайно ограниченного количества первичных слогов; что количество последних, хотя и очень ограниченное, достаточно было для образования почти бесконечного числа различных сочетаний. Видимыми знаками обозначались не идеи или слова, которым они соответствовали, но простейшие элементы, из которых составлены слова.

С тех пор писаная азбука стала известной; небольшое число знаков удовлетворяло потребность в письме, так же как небольшое количество звуков — потребности разговорного языка. Письменный язык был таким же, как и разговорный, необходимо было только знать и уметь образовать эти немногочисленные знаки. Этот последний шаг обеспечил навсегда прогресс человеческого рода.

Может быть, было бы полезно в настоящее время создать письменность, которая, служа единственно для научных целей, выражая только сочетания простых и понятных всем идей, употреблялась бы только для строго логических рассуждений, для точных, обдуманых операций ума, была бы понятна людям всех стран и переводилась бы на все местные наречия, не изменяясь, как последние, при переходе в общее пользование.

Тогда, в силу особой революции, этот самый вид письменности, сохранение которого содействовало бы продолжению невежества, стал бы в руках философии полезным инструментом быстрого распространения просвещения, совершенствования метода наук.

Эту стадию развития между первой ступенью цивилизации и той ступенью, на которой мы видим еще людей в диком состоянии, прошли все исторические народы, которые, то достигая новых успехов, то вновь погружаясь в невежество, то оставаясь на середине этих двух альтернатив или останавливаясь на известной границе, то исчезая с лица земли под мечом завоевателей, смешиваясь с победителями или попадая в рабство, то, наконец, просвещаясь под влиянием более культурного народа и передавая приобретенные знания другим нациям, — образуют непрерывную цепь между началом исторического пери-

ода и веком, в котором мы живем, между первыми известными нам народами и современными европейскими нациями.

Можно, таким образом, уже заметить три совершенно различные части в картине, которую я предполагаю изобразить.

В первой, где на основании рассказов путешественников говорится о состоянии человеческого рода у наименее цивилизованных народов, нам остается разгадать, через какие ступени изолированный человек или, скорее, ограниченный ассоциацией, необходимой для своего воспроизведения, мог достигнуть этих первых усовершенствований, последним пределом которых является употребление членораздельной речи. Этот наиболее заметный и едва ли не единственный признак вместе с несколькими наиболее распространенными моральными идеями и слабыми зачатками социального порядка позволял различить человека от животных, живших, как и он, упорядоченными и прочными обществами. Таким образом, только наблюдение над развитием наших способностей может нам здесь служить путеводной нитью.

Затем, чтобы довести человека до того уровня культуры, когда он занимается ремеслами, когда он начинает озаряться светом знаний, когда торговля объединяет нации, когда, наконец, изобретается азбука, мы можем присоединить к этому первому путеводителю историю различных обществ, которые изучались почти во всех промежуточных стадиях своего развития, хотя ни одно из них нельзя было бы проследить на всем протяжении, которое отделяет эти две великие эпохи человеческого рода.

Здесь картина начинает опираться большей частью на исторические факты; но необходимо последние извлекать из истории различных народов, сопоставлять их, сочетать, чтобы на этом основании написать гипотетическую историю единого народа и создать картину его прогресса.

С того периода, когда письменность стала известной в Греции, история соединяется с нашим веком, с современным состоянием человеческого рода в наиболее просвещенных странах Европы при помощи непрерывного ряда фактов и наблюдений; и картина поступательного движения и прогресса человеческого разума становится поистине исторической. Философии не приходится более разгадывать или образовывать гипотетические комбинации. Достаточно объединить, привести в поря-

док факты и показать полезные истины, которые рождаются в силу сцепления и соединения этих фактов.

Наконец, остается только набросать последнюю картину, картину наших надежд, прогресса, который будет достигнут будущими поколениями и который как бы обеспечивается постоянством законов природы. Нужно будет показать, через какие ступени то, что нам теперь кажется несбыточной надеждой, должно сделаться постепенно возможным и даже доступным; почему, несмотря на преходящий успех предрассудков, поддерживаемых развращенными правительствами и народами, только одна истина должна добиться длительного торжества. Необходимо выяснять, какими узами природа неразрывно связала прогресс просвещения с прогрессом свободы, добродетели, уважения к естественным правам человека; каким образом эти единственные реальные блага, так часто разобщенные, что их считают даже несовместимыми, должны, напротив, сделаться нераздельными. Это будет тогда, когда просвещение достигнет определенного предела одновременно у значительного числа наций и когда просветится вся масса великого народа, язык которого повсеместно распространится, торговые отношения которого охватят весь земной шар.

В силу этого сближения, которым уже охвачены все просвещенные люди, между ними отныне можно будет насчитывать только друзей человечества, единодушно содействующих его усовершенствованию и счастью.

Мы изложим происхождение, мы изобразим историю общих ошибок, которые более или менее тормозили или приостанавливали поступательное развитие разума, которые часто даже, как и политические события, вызывали попятное движение человека к первобытному невежественному состоянию.

Операции ума, ведущие нас к заблуждению или задерживающие нас на ошибках мысли, начиная от тонкого паралогизма, способного сбить с толку даже наиболее просвещенного человека, до мечтаний безумца, являются различными видами метода правильного рассуждения или способа открытия истины в теории развития наших индивидуальных способностей. И на том же основании форма, в которой общие заблуждения проникали, распространялись и увековечивались среди народов, составляет часть исторической картины прогресса человеческого разума. Как истины, которые его совершенствуют и просветляют, заблуждения являются необходимым следстви-

ем его активности, всегда существующей диспропорции между тем, что он знает и желает, и тем, что он считает необходимым знать.

Можно даже заметить, что, согласно общим законам развития наших способностей, некоторые предрассудки должны были рождаться в каждую эпоху нашего прогресса, для того чтобы распространить еще шире свое развращающее влияние, свою власть, ибо люди сохраняют заблуждения своего детства, своей родины, своего века еще долгое время после усвоения всех истин, необходимых для разрушения этих заблуждений.

Наконец, во всех странах, во все времена существуют различные предрассудки, соответствующие степени просвещения различных классов людей, так же как и их профессиям. Если предрассудки философов препятствуют новым успехам истины, то предрассудки классов менее просвещенных тормозят распространение истин уже известных, предрассудки же некоторых, облеченных доверием и влиятельных профессий противодействуют их распространению: с этими тремя видами врагов разум вынужден беспрестанно бороться, и он часто может восторжествовать над ними лишь после долгой и тяжелой борьбы. История этих боев, история зарождения, успеха и падения предрассудков займет, таким образом, большое место в этой работе, и эта часть не будет менее важной, менее полезной.

Если существует наука, с помощью которой можно предвидеть прогресс человеческого рода, направлять и ускорять его, то история того, что было совершено, должна быть фундаментом этой науки. Философия должна была, конечно, осудить то суеверие, согласно которому предполагалось, что правила поведения можно извлечь только из истории прошедших веков и что истины можно познать, только изучая воззрения древних. Но не должна ли она в этом осуждении видеть предрассудок, который высокомерно отбрасывал уроки опыта? Без сомнения, размышление одно при удачных комбинациях может нас привести к познанию общих истин гуманитарных наук. Но если наблюдение отдельных личностей полезно метафизике, моралисту, почему наблюдение человеческих обществ было бы менее полезным? Почему оно не было бы полезно философу-политику? Если полезно наблюдать различные общества, существующие в одно и то же время, изучать их отношения, почему не было бы полезно проследить последовательное развитие их во времени? Предполагая даже, что эти наблюдения

могли бы быть оставлены в стороне при отыскании умозрительных истин, должно ли ими пренебрегать, когда речь идет о применении этих истин и о создании науки? Разве источником наших предрассудков и бедствий, которые они за собой влекут, не являются предрассудки наших предков? Разве одним из наиболее верных способов рассеять одни и предотвратить другие не является исследование происхождения и влияния заблуждений?

Разве мы находимся уже на той ступени развития, когда нам не приходится больше опасаться ни новых ошибок, ни возвращения к старым; когда лицемерие не могло бы быть представлено ни одним развращающим учреждением, которое невежество или увлечение не признало бы, когда никакой преступный расчет не мог бы больше причинить несчастья великому народу? Разве будет, таким образом, бесполезным знать, как народы заблуждались, развращались или почему они погрязли в нищете?

Все говорит нам за то, что мы живем в эпоху великих революций человеческого рода. Кто может лучше нас осветить то, что нас ожидает, кто может нам предложить более верно-го путеводителя, который мог бы нас вести среди революционных движений, чем картина революций, предшествовавших и подготовивших настоящую? Современное состояние просвещения гарантирует нам, что революция будет удачной, но не будет ли этот благоприятный исход иметь место лишь при условии использования всех наших сил? И для того чтобы счастье, которое эта революция обещает, было куплено возможно менее дорогой ценой, чтобы оно распространилось с большей быстротой на возможно большем пространстве, для того чтобы оно было более полным в своих проявлениях, разве нам не необходимо изучить в истории прогресса человеческого разума препятствия, которых нам надлежит опасаться, и средства, которыми нам удастся их преодолеть?

Я разделю на девять больших эпох тот период, который я предполагаю обозреть; и в десятой я позволю себе изложить некоторые взгляды на будущность человеческого рода.

Я ограничусь представлением здесь главных черт, которыми характеризуется каждая эпоха; я дам только суммарное, не останавливаясь ни на исключениях, ни на деталях. Я укажу цели и результаты, развитие и доказательства которых будут представлены в самом труде.

Первая эпоха

ЛЮДИ СОЕДИНЕННЫ В ПЛЕМЕНА

Никакое непосредственное наблюдение не дает нам указания на то, что предшествовало этому состоянию; и только исследуя умственные и нравственные способности человека и его телесную организацию, можно предположить, каким образом он поднялся на эту первую ступень цивилизации.

Наблюдения над человеческими способностями, обусловленными физическими качествами, могущими содействовать первичному зарождению общества, и краткий анализ развития наших интеллектуальных или моральных способностей должны, таким образом, служить введением в картину этой эпохи.

Общество, состоящее из семьи, естественно, возникает у людей. Образовавшись сначала для удовлетворения потребностей детей в родительском уходе, благодаря материнской любви и, хотя менее всеобщей и менее горячей, любви отцовской, этот союз упрочивается в силу продолжительности этой потребности, которая создает и способствует развитию чувства солидарности между супругами. Эта самая продолжительность совместной деятельности супругов была достаточна, чтобы дать почувствовать выгоды семейной жизни. Семья, осевшая на почве, доставлявшей легко средства существования, могла затем размножаться и стать племенем.

Племена, образовавшиеся от соединения нескольких отдельных семейств, должны были формироваться позже и медленнее, так как в этом случае соединение зависело и от менее настоятельных мотивов и от сочетания большого количества обстоятельств.

Искусство изготовления оружия, приготовления пищи, изготовления необходимой домашней посуды, сохранения пищи в течение некоторого времени, накопления запасов на те времена года, когда невозможно будет добывать свежую пищу, — эти искусства, посвященные удовлетворению самых незамысловатых потребностей человека, были первым результатом

продолжительной совместной жизни людей и первой характерной чертой, которая отличает человеческое общество от обществ, которые образуют многие роды животных.

У некоторых племен женщины разводят вокруг хижины кое-какие питательные растения, которые являются добавлением к продуктам охоты и рыбной ловли. У других, образовавшихся в местах, где земля естественно доставляет растительную пищу, забота отыскивать и собирать ее занимает часть времени диких людей. У этих последних, где польза единения не столь ощущалась, общество продолжает оставаться в первобытном состоянии, представляя собой изолированную семью. Однако всюду наблюдалось употребление членораздельной речи.

Более частые и более продолжительные отношения, установившиеся между одними и теми же людьми, тождество их интересов, помощь, которую они друг другу оказывали — во время ли общей охоты или при сопротивлении врагу, — все это должно было вызвать равным образом и чувство справедливости и взаимную привязанность между членами общества. Эта привязанность скоро превращается в преданность самому обществу.

Жестокая ненависть и ненасытная жажда мести по отношению к врагам племени являлись необходимым следствием тесного сближения общества.

Потребность в предводителе, чтобы иметь возможность действовать сообща — в целях ли самозащиты или для добывания с меньшим трудом более обеспеченного средства существования и в большем количестве, — породила в этих обществах первоначальные идеи об общественной власти. В тех случаях, когда все племя было заинтересовано, когда оно должно было принять общее решение, все те, которым предстояло его исполнять, должны были участвовать в совещании. Женщины, которые по своей слабости не могли участвовать в далеких охотах или в войне (обычные предметы этих совещаний) были равным образом отстраняемы от последних. Так как для принятия решений необходим был опыт, то для обсуждения таковых допускались только удовлетворявшие этому требованию. Распри, возникавшие в недрах самого общества, нарушали гармонию и иногда угрожали его существованию; естественно было поэтому согласиться предоставлять решение спорных вопросов тем, кто благодаря своему возрасту и личным качествам вну-

шал наибольшее доверие. Таково происхождение первичных политических учреждений.

Образование языка должно было предшествовать этим учреждениям. Идея выражать предметы условными знаками возникла ранее, чем человечество приобрело те знания, которыми характеризуется эта эпоха цивилизации; но правдоподобно, что эти знаки были введены в употребление постепенно, под влиянием времени и как бы незаметно.

Изобретение лука было делом гениального человека; в образовании языка участвовало все общество. Эти два вида прогресса одинаково присущи человеческому роду.

Один, более быстрый, представляет собой плод новых сочетаний, которые люди, одаренные природой, способны образовывать; он является наградой за их размышления и усилия. Другой, более медленный, рождается как результат размышлений и наблюдений, представляющихся всем людям, и даже привычек, которых они придерживаются в течение своей совместной жизни.

Размеренные и правильные движения выполняются при наименьшем утомлении. Те, кто их видит или слышит, с большей легкостью улавливают их порядок или связь. Таким образом, в силу этого двойного основания эти движения являются источником удовольствия. И потому происхождение танца, музыки, поэзии восходит к первоначальному младенческому состоянию общества. Танец употреблялся для развлечения молодежи и во время общественных праздников. Так слагались любовные и военные песни; умели даже изготавливать некоторые музыкальные инструменты. Искусство красноречия не абсолютно неизвестно этим племенам: по крайней мере, они умеют произносить вступление речи тоном более низким и более торжественным; и даже ораторское преувеличение ни в какой степени не было им чуждо.

Месть и жестокость по отношению к врагам, возведенные в добродетель, воззрение, осуждавшее женщин на некоторого рода рабство, право командования на войне, составлявшее прерогативу одной какой-либо семьи, наконец, первичные представления о различного рода суевериях — таковы заблуждения, которыми отличается эта эпоха, происхождение которых нужно будет проследить и причины которых вскрыть. Ибо человек принимает без рассуждения только ошибки, привитые ему первоначальным воспитанием, ошибки, которые становят-